

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 142—154.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 142—154.

Научная статья

УДК 165.12

EDN <https://elibrary.ru/fggatc>

DOI: 10.46726/И.2025.4.16

СОЗНАНИЕ СУЩЕСТВУЕТ И НЕ СУЩЕСТВУЕТ, ВЫРАЖАЕТСЯ И НЕ ВЫРАЖАЕТСЯ В ЯЗЫКЕ

Эмилия Анваровна Тайсина

Казанский государственный энергетический университет,

г. Казань, Татарстан, Россия, emily_tajsin@inbox.ru

Аннотация. Постановка данной проблемы не нова — это размышление о взаимоотношении идеального и материального — как не являются абсолютной новостью существующие в истории философии варианты решений. В онто-гносеологическом ключе решается, во-первых, вопрос о генезисе; во-вторых, реверсивно, о способах воплощения идеального в материальном. В сущности, философских направлений мысли (исключая богословские), эксплицирующих указанную диадку, всего шесть: материализм, два вида идеализма, дуализм, гилозоизм и особняком стоящий вульгарный материализм («сознание материально»), «сводящие» их обратно в некое единство. Но содержание этих моделей намного больше. Часто соотношение языка и сознания, с разными нюансами, понимается как связь чувственно воспринимаемой формы и идеального содержания. Однако развитых языков едва 8 000, сознание же фактически безразмерно, и проблема остается. Своеобразный «кварт-квинтовый круг», в который можно выстроить основные решения, был бы неполным без дальнейшей разработки семиотического подхода к бытию, познанию и культуре в целом. Предлагается учесть опыт семиотики экзистенциального материализма, в котором принято, что сознание есть презентация, а язык — ре-презентация бытия, оптимальное место «встречи» идеального и материального, посредник природы и сознания.

Ключевые слова: сознание, язык, онтологический и гносеологический аспекты, семиотика

Для цитирования: Тайсина Э.А. Сознание существует и не существует, выражается и не выражается в языке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 142—154.

...Richtige Anschauung von der Welt
ist ... zuerst klar ausgesprochen von Heraklit:
Alles ist und ist auch nicht, denn alles *fließt*,
ist in steter Veränderung, in stetem Werden
und Vergehen begriffen.

Введение. Первым отечественным философом, в новейшее время целенаправленно очертившим проблему взаимоотношения сознания и языка и начавшим изучать по преимуществу именно это нераздельно-неслиянное единство, был Александр Николаевич Портнов.

Несмотря на обширную историю — совпадающую с историей человечества — самого этого онто-гносео-социо-психо-физио-логического феномена и на достаточно долгий, исчисляемый тысячелетиями, период эпистемологического его исследования, начиная с диалога «Кратил» по меньшей мере или, по

свидетельству Платона, с творчества фиванского поэта Пиндара, — проблема остается открытой для заинтересованного внимания все новых философов, в силу неизмеримой сложности предмета и неизбывной потребности человека к самопознанию.

Начну с немецкой философской классики, которую Александр Николаевич прекрасно знал, а именно, с проблемы движения вообще, принимая это вступление, как и эти координаты, единственно подходящим форматом для рассмотрения сознания и языка в онтологическом ключе. Сакраментальное «[Материя]... выступает... в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык также древен, как и сознание; язык есть практическое... действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [Маркс, Энгельс: 27] — эмблематическое это разъяснение, казалось бы, не нуждается ни в развертывании, ни в экспликации, ни в обновлении.

Однако новизна состоит не только в новой идее. Структура доказательства включает, кроме тезиса, доводы и демонстрацию; и в этих двух сферах новизна не только возможна, но и желательна.

Онтологический аспект. Один из первых натурфилософов, Гераклит, возвестил: πάντα ῥεῖ καὶ οὐδὲν μένει (всё течет и ничто не пребывает), εἶμὲν τε καὶ οὐκ εἶμεν — «есть и не есть» (фрагмент 49 а) [Кессиди]. Эпиграф из «Анти-Дюринга» («...правильный взгляд на мир был... впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как все *течет*, все постоянно изменяется» и т. д. [Энгельс: 16]) хорошо объясняет неуловимо-плывущий, скользящий, летящий, пульсирующий, пружинящий, динамический характер сознания как самой сложной формы движения, отнесенной Энгельсом к «социальной» без специального выделения. Это не только натурфилософская, но подлинно онтологическая основа материалистического подхода к сознанию.

Известнейшее место из гл. XII «Анти-Дюринга»: «Движение само есть противоречие... тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно — в другом, ... находится в одном и том же месте и не находится в нем» [Там же: 119]¹. Кстати сказать, во всем «Анти-Дюринге» слово «язык» в связи с нашей темой употребляется лишь однажды — и именно в том смысле, что «абстрактное, отвлеченное, подлинное мышление» невозможно вне языка. Формы мышления с формами языка осознанно объединила еще логика Лейбница и Фреге. Но это также классическая формула материализма — и она разворачивается в следующие постулаты.

Материален источник сознания — объективный мир, материально свойство отражения, возникающее во взаимодействии природных систем, когда они обмениваются веществом, энергией и информацией таким образом, что одна из систем приобретает сходство с другой. Генезис свойства отражения через такие стадии как раздражимость, чувствительность, таксис, инстинкт, рефлекс, мимесис, кинесика, проксемика etc., изучают естественные науки; философия вырабатывает общие подходы в них и для них.

Сознание манифестирует себя во всех формах культуры, материальной и духовной; оно порождается и воплощается в нейрофизиологических операциях мозга, электрических сигналах, будучи его продуктом, его «работой»; сознание

¹ В оригинале: “Die Bewegung selbst ist ein Widerspruch; ... ein Körper in einem und demselben Zeitmoment an einem Ort und zugleich an einem andern Ort, an einem und demselben Ort und nicht an ihm ist” [Engels: 112].

реифицируется, «оседает», оцепеняясь, в разнообразных текстах, в том числе в программах ИИ; сознание «прочитывается» в «языке» тела² (поза, постановка, мимика, жесты, «комплекс оживания» у ребенка); однако *оптимальным образом* сознание выражается в естественном разговорном человеческом языке (плюс в его более-менее богатых аналогах в виде искусственных кодов).

Основных философских направлений мысли (не рассматривая богословие), решающих проблему взаимосвязи идеального и материального, не так много. В вопросе генезиса обычно выделяют материализм и идеализм, противоположные в смысле наделения статусом порождающего начала (помещая их на воображаемой «вертикали») либо материю, либо сознание. Два логически выделяемых вида идеализма рассматривают сознание либо как человеческое, либо как вне-человеческое, некий вселенский дух. Далее, можно поместить эту диадку на «горизонтали», не поднимая вопрос о первичности. В этом случае возможно максимальное «разведение» материи и сознания как не имеющих общих предикатов; это дуализм, рассматривающий материю и дух как параллели, или психофизиологический параллелизм. Наблюдается и обратное движение, то есть «сведение» этих двух начал в некое единство. Объединение возможно опять-таки двумя способами: первая картина — натурфилософский гилозоизм, полагающей всю природу живой и одушевленной; вторая картина написана в XIX веке под влиянием и средствами быстро развившейся психофизиологии («сознание материально», «мозг выделяет мысль так же, как печень выделяет желчь»). Позже сознание предлагалось, например, считать разновидностью электрических волн, поскольку сигналы в нервной системе — это электрические токи, передающиеся при посредстве металлов: ионов калия и кальция.

Как движение, сознание лучше всего сопоставимо с бытием и временем, и не только в смысле Хайдеггера — как принцип герменевтической интерпретации. Хайдеггер, еще в своей докторской диссертации, полагал время и язык в качестве горизонта понимания *Sein* и *Dasein*. Но надо подчеркнуть, что сознание — это не имеющая горизонтов сила, равновеликая силе всего универсума, и это не просто метафора: количество нервных связей в мозгу сравнимо с количеством протонов во вселенной.

В каком смысле сознание существует и не существует в языке? В прямом и абсолютном.

Неразрывная связь языка и мышления не нуждается в доказательствах. В языке происходит встреча и интерференция субъективного и объективного. Сознание, однако, шире и объемнее, чем мышление: например, криптофазия у ребенка (первые месяцы жизни, когда понимание и коммуникация уже сформированы, а владения речью еще нет), — да и вся чувственная сфера, начиная с ощущений, существует до поры до времени вне языка (как и воля, и вера, инстинкт etc.). Если же ощущение получает языковое воплощение, оно становится понятием, первичной формой мысли.

А.Н. Портновым разработана новаторская концепция сложной «системы сознания», в принципе не-структурируемого или очень плохо структурируемого, если рассматривать язык и сознание интерналистски, в качестве «океана бытия», в который мы погружены, не различая «верх» и «низ». Однако анализ становится возможным в формате экстернализма, рефлексивно-критически. В таком случае в

² Маркс на полях «Немецкой идеологии» делает пометку: «Люди... должны *производить* свою жизнь... определенным образом. Это обусловлено их физической организацией, так же, как и их сознание» [Маркс, Энгельс: 27].

сознании различаются несколько слоев, или уровней, половина из которых не предполагает или даже воспрещает использование языка как такового: 1) прото-семиотический уровень (нейрофизиологические коды); 2) палеосемиотический уровень, включающий три под-уровня: а) некодифицированная, б) слабокодифицированная и в) полностью кодифицированная невербальная коммуникация.

Лишь затем над этими фундаментальными «этажами» надстраиваются собственно языковой уровень, а также уровень многочисленных знаковых систем как средств познания, коммуникации и выработки форм культуры. В формате теории понимания (в своей сущности кантианской) язык описывается как способ, или форма, жизни. Язык предстал как предельное онтологическое основание сознательной деятельности. Это приняли и марксисты, и позитивисты, и аналитики, и экзистенциалисты. Философия сознания, изначально творение немецкого гения, превратилась ныне в философию языка.

Интересный вопрос: как возможно, что всего несколько тысяч развитых языков, 90% из которых при этом бесписьменные, справляются с задачей структурной организации текучего, неизменно-изменчивого, континуального, в принципе «бесформенного», — и притом нематериального — сознания как своего содержания? Сложно уяснить, каким физико-физиологическим образом материальная система знаков может «обуздать» в обоих смыслах идеальную аморфную стихию и управлять ею. Вспомним примеры Фреге и Хайдеггера об абсурдной попытке совместить золотую монету и банкноту одного и того же номинала! Лингвистам приходилось, например, измысливать «внутреннюю форму слова», чтобы поместить знак и образ сознания в однородную (идеальную) среду...

Очевидно, что сами эти примерно 8 000 языков и «язык» как таковой строго иерархичны. В них различаются отдельные уровни «знаковизации»: конвенции, суппозиции, субалтерации и т. д. Средневековые логики, например, Уильям Оккам, различали в языке имеющие лексическое значение термины первичной интенции (обозначающие объекты) и термины вторичной интенции (обозначающие понятия), а также первой импозиции (обозначающие и объекты, и понятия) и второй импозиции (синкатегорематические знаки, имеющие лишь грамматическое значение: имя, прилагательное, существительное, склонение, и т. д.).

Грамматическая структура языка и его вокабуларий, как и определенный фонетический строй, прекрасно упорядочены, чего никак нельзя сказать о сознании: практически все рассуждения о его «компонентах» являются абстракциями, идеализациями, схематизациями, упрощениями. Упорядоченными предстают лишь высшие уровни сознания — умозаключения и более крупные «блоки» форм научного познания, от идеи и принципа до гипотезы и теории.

А.Н. Портнов привлекал для объяснения и разрешения указанного дуализма идеи Арнольда Гелена, одного из создателей философской антропологии, который разработал учение о языке как способе *самоорганизации сознания*. Действительно, с точки зрения диалектики, форма — это совсем не только *внешнее*. Это *способ связи элементов содержания*, любого содержания. А содержание — это *всё* в объекте, *включая* форму, а не только «внутреннее».

А. Гелен предложил кардинальное решение проблемы³, основываясь на концепции психофизического нейтралитета. В его учении центральным элементом является понятие действия, которое представляет собой интеграцию

³ Однако в философской антропологии А. Гелена остаются открытыми гносеологические вопросы о движущих импульсах перехода от чувственности к мышлению и режимах символизации («знаковизации», «языковизации»).

внешнего и внутреннего, физического и психического, телесного и душевного. Гелен определял человека как «действующее существо», физиологически устроенное таким образом, что его выживание возможно исключительно посредством активного действия. Это очень напоминает марксистскую концепцию практики (за исключением того, что у Гелена преобладает биологизаторский настрой). Самое главное, на что обратил внимание А.Н. Портнов, — это эвристический потенциал идеи о языке как средстве преодоления отчетливо ощущаемой границы между чувственной, практически аморфной сферой сознания и его высшим достижением, мышлением, с его развитыми формами, начиная с понятия. Именно благодаря этому качеству, как представляется, язык стал посредником и в универсальном смысле — между бытием вообще и социальным бытием, культурой в целом «как совокупностью знаков, управляющих поведением человека». Анализируя феноменологию, А.Н. Портнов указывал на некий ключ к распознаванию «семиотической отмеченности»: это чувство уверенности, что перед нами нечто, имеющее смысл.

С другой стороны, думается, что есть необходимость объяснить, как соотносятся соответствующие программы (подходы, направления, парадигмы) исследования взаимосвязи языка и сознания.

Гносеологический аспект. Гносеология рассматривает поставленную проблему взаимоотношения природы и сознания реверсивно, не с точки зрения генезиса или возможности традуктивного перехода, но с точки зрения способов воплощения идеального в материальном («как относятся наши мысли о мире к самому этому миру»). В этом ключе мы будем рассматривать уже не диаду (материальное — идеальное, объективное — субъективное, природа — дух и т. п.), но триаду, в которой язык помещен на почетное центральное место: либо в качестве посредника, либо в качестве универсальной среды.

Единство сознания и языка не является тождеством, как не являются тождественными исследовательские подходы к этому единству и его оценки. А.Н. Портнов полагал, что исследование взаимоотношений языка и сознания необходимо включает анализ, с одной стороны, экзистенциальных программ («философия жизни»), и с другой, рефлексивно-концептуальных уровней («философия науки»).

Рассматривая проблему в эпистемологическом ключе, А.Н. Портнов писал о различиях в трактовке того, что в принципе можно рассматривать в качестве языка⁴. Полагаемые в разные эпохи развития философской мысли границы и варианты трактовки «языковости» (и «знаковости»), во-первых, определяют различия в понимании природы сознания, а во-вторых, задают определенную дистанцию от языка: 1) сознательное растворение в языке, понимание его как «дома бытия»; 2) строгое и отстраненное рассмотрение языка, «игра с означаемыми», декомпозиция текста и т. п.⁵

Мысля примерно в том же ключе, М. Фуко в трактате «Слова и вещи» указывал: «В современном мышлении методы интерпретации противостоят приемам формализации: первые — с претензией заставить язык говорить из собственных

⁴ В оригинале: “Die Bewegung selbst ist ein Widerspruch; ... ein Körper in einem und demselben Zeitmoment an einem Ort und zugleich an einem andern Ort, an einem und demselben Ort und nicht an ihm ist” [Engels: 112; Портнов: 14].

⁵ Собственная позиция А.Н. Портнова сказывается в следующем замечании: нарочитое разрушение текста есть тем самым, *разумеется*, и разрушение сознания (*Курсив мой.* — Э.Т.)

его глубин, приблизиться к тому, что говорится в нем, но без его участия; вторые — с претензией контролировать всякий возможный язык, обуздывая его посредством закона...» [Фуко: 323].

Эпистемическое богатство подходов к сознанию и языку как его орудию, разумеется, не исчерпывается указанными выше, самыми общими и самыми существенными. Содержательно их намного больше: по меньшей мере, вдвое. Всегда существует исследовательский интерес, побуждающий от бинарных оппозиций перейти к более сложным, «объемным» моделям в силу предельной содержательности проблемы. У А.Н. Портнова это «аспектация»: дифференциация программ в зависимости от того, как понимаются сознание (форма психической деятельности, экзистенциальный центр, интеллектуальное орудие или «фоновое», периферийное знание) и язык (дефинитивный признак человека, отдельные семитические системы вида национальных языков, — или семиотическая деятельность). Выстраиваясь своеобразным порядком, концепции сознания и языка придают исследованиям некую геометрию эллипса или даже окружности, а не прямого отрезка. Для этого А.Н. Портнов применяет методологический регулятивный принцип дополнительности, что позволят рассматривать разные программы исследования языка и сознания как «взаимодополнительные».

Следуя этим путем, здесь мы проведем опыт аранжировки и основных, и дополнительных подходов в продуктивную модель своеобразного хроматического круга, созданного еще в 1679 году под названием «колеса квинт» русско-украинским композитором Николаем Дилецким в книге «Идея грамматики музыкальной»⁶. На это нас вдохновляет также Гераклит, говоривший: ξυνὸν γὰρ ἀρχὴ καὶ πέρας ἐπὶ κύκλῳ περιφερείας (совпадают (ξυνὸν) начало и конец у окружности) [Кессиди].

Темперация, то есть сужение или расширение интервалов музыкального строя по сравнению с акустически чистыми, «натуральными» интервалами, приводя к выравниванию квинт, позволяет пианисту играть во всех возможных 24-х классических тональностях. Можно начинать рассмотрение взаимного соседства гносеологических «тональностей» с любой «гаммы», но для нас естественнее отдать предпочтение материализму, а в его парадигматике изначально сознание понималось в соответствии с принципом отражения. В дальнейшем пришлось много раз уточнять, что идеальный образ имеет специфику по сравнению с, например, отпечатком на земле или следом волны на песке. И это не только (плохо определяемая) идеальность; это сугубая подвижность, «бидоминантность и бимодальность» сознания (термины Д.И. Дубровского), то есть присутствие в нем координат «Я — не-Я» и «Я — Ты») и т. д.

Внешний круг на модели — мажорный. Минорный (подходы вида песимизма Шопенгауэра) мы не рассматриваем.

Через «квинту» от материализма, идя по часовой стрелке круга, помещается объективный идеализм в его лучшем выражении — диалектика Гегеля. Аппроксимация между этими «тональностями» возможна потому, что, во-первых, онто-гносеологический объект изначально берется в гегелевской философии как реально существующий, а во-вторых, как познаваемый: «само собой понятно, что мышление может познать то содержание, которое уже заранее является содержанием мысли» (по выражению Энгельса).

⁶ Гораздо лучше мы знаем кварт-квинтовый круг из «Хорошо темперированного клавира» «бога музыки» И.С. Баха. Характерно, что у Н. Дилецкого под квинтовым кругом стояла подпись: «Образъ колесо пришелце наземли».

Еще один «квинтовый шаг» по кругу дает нам дуализм — прежде всего, картезианский. Сближение с предыдущей «тональностью» происходит на основе того, что у Декарта *res extensa* существует независимо, как в материализме, а *res cogitans* — свободна как абсолютная идея Гегеля.

Следуя далее, через «квинту» мы приходим к спекулятивному реализму (К. Мейясу, Г. Харман, Й. Реве), который, критикуя корреляционизм, стремится к реабилитации независимости и самостоятельности объекта как такового. «Помимо алмазов, веревки и нейтронов, объекты могут включать в себя армии, чудовищ, квадратные круги... драконы... феи... парусные шляпки и атомы» [Харман: 16]. «Под «корреляцией» мы понимаем идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [Мейясу: 11]. Парадоксальным образом анти-кантианцы, с их критикой релятивизма=«корреляционизма», порицают мэтра за произведенный «надрыв»⁷ (терминология Грэма Хармана), элиминирующий объект(ы).

Это постнеклассическая интерпретация Канта. Термин *overmining* объяснен как редукция объекта к «пучку качеств», как это было у Беркли; в них объект исчезает. Противоположная операция — *undermining* — это эссенциализм. В материализме принят термин «отрыв» (от вещи-в-себе).

Идя *против* часовой стрелки по законам хорошей темперации — через квинту, следующее место можно отнести открыто «склеивающему» материю и сознание гилозоизму и даже натурфилософии в целом. Аппроксимация основана на соседстве с таким направлением, как вульгарный материализм.

Далее стоит, несколько нарушая логику квинтового круга, выделить отдельной тональностью гносеологию кантианства с его вариантом отношения к материи как к некоему *X* («Вне нас, конечно, может существовать нечто такое, чему соответствует это явление, называемое нами материей»)⁸. Элиминация «материи» у Канта значительно смягчена; несомненно, под влиянием его занятий естествознанием в первый период творчества.

Следуя далее по кругу, через «квинту» мы приходим к чистому субъективному идеализму вида Беркли, Юма и впоследствии Фихте.

Дальнейшая череда сменяющих друг друга «квинт» — это феноменология — экзистенциализм — герменевтика (что, скорее, метода), связанные отношениями порождения, буквально преемственностью наставников. Продвигаясь с разных сторон и где-то «сталкиваясь локтями», экзистенциализм («бемоли») и позитивизм («диезы») вместе устремляются к одному и тому же предмету заинтересованного внимания — языку.

В кварт-квинтовом круге, начиная с пяти знаков альтерации, «мажорные» полукружия с диезами и бемолями начинают сходиться. Гаммы с большим количеством знаков практически на исполняются, и соответствующие тональности не используются. Полное совпадение тональностей с диезами и бемолями происходит на шестом шаге, где гамма фа-диез мажор — та же в технике, что соль-бемоль мажор. Но в опыте построения гносеологического круга такое полное совпадение не наблюдается — хотя мы действительно можем ныне говорить о когнитивном (достаточно парадоксальном) сближении экзистенциализма как

⁷ «Отрицающие то обстоятельство, что объекты являются структурным элементом философии, ... могут говорить, что объекты — это только поверхностный эффект некоей более глубокой силы, и в итоге объект оказывается подорван (*undermined*)» [Харман: 17].

⁸ Продолжение цитаты: «... материя означает не особый вид субстанции..., а только неоднородность явлений предметов (которые сами по себе нам неизвестны)...» [Кант: 684].

философии жизни и позитивизма как философии науки, в результате чего место классической гносеологии как философии сознания заняла философия языка («шестой шаг»). Объективной онтологической основой указанного сближения является то, что жизнь человека совпадает с познанием; гносеологической — общая философская их основа, кантианство.

Классика или не классика, постклассика или постнеклассика, последний европейский метафизик Хайдеггер очень помог «переключке» парадигм. Для феноменологии — экзистенциализма — герменевтики главным в исследовании человеческого существования стал контекст культуры и, прежде всего, язык. Позитивизм же, со своей стороны, переходит от аналитической философии (логической стадии) к лингвистической. Утвердилось положение, что естественный разговорный человеческий язык является универсальным интерпретатором — как для науки, так и для (научной) философии.

Позитивизм, позиция гносеологического оптимизма, имеет нечто общее даже с психофизическим параллелизмом в плане агглютинации: в рамках обеих программ исследователи стремятся избежать метафизических спекуляций и опираться на факты наблюдения и опыта, претендуя на «третью» линию в философии. (В эмпириокритицизме, как известно, как и у Гелена, не делалось различия в статусе «физических и психических элементов»).

Есть много примеров если не совпадения, то сближения разных позиций. Так, А.Н. Портнов в своих трудах всегда подчеркивал важность коммуникативного свойства сознания. Эта тема глубоко прорабатывается и сегодня [Mitias: 19; 38; 67]. А феноменология, отказавшись от признания диалогического характера сознания, поставила акцент на таком его свойстве, как интенциональность. Это свойство изучается не только в феноменологии; оно присутствует и в телеологическом истолковании развития вселенной — варианте антропного принципа, сближающего современный гилозоизм с герменевтикой на основе возможности построения модели живого и одушевленного космоса, напоминающего опять-таки Космос-Логос Гераклита.

Итак. «Мажорный полукруг с диезами»: материализм (без подробного выделения исторических форм) — объективный идеализм — дуализм — спекулятивный реализм — позитивизм (без подробного выделения фаз).

«Мажорный полукруг с бемолями»: натурфилософия (гилозоизм) — (выделенное) кантианство — субъективный идеализм — феноменология с ее «эпох» — экзистенциализм с его онтологией без гносеологии — герменевтика с ее методологией — и опять позитивизм, сближенный с экзистенциализмом на культурном фоне постмодерна, отказавшегося от объективности в пользу интерсубъективности.

Вводимые дополнительные знаки альтерации (дубль-диезы и дубль-бемоли) позволяют, в случае необходимости, различить более дифференцированно и другие философские подходы к познанию: по отношению к истинному знанию — догматизм и релятивизм, по отношению к абстрактному знанию — номинализм и реализм, по отношению к движущей силе познания — волюнтаризм и фатализм, по отношению к диалектике — эклектику и софистику, в формате философии науки — четыре формы позитивизма и т. д. Можно поместить особняком творчество Витгенштейна, что зачастую и делается, или выделить аналитическую философию среди остальных форм позитивизма как современный мейнстрим философии языка⁹. Это будет более «тонкая подстройка», чем

⁹ А.Н. Портнов указывал, что в широком контексте идеи феноменологов Щюца, Лукманна, Бергера, Вальденфельса совпадают с некоторыми идеями, сформулированными в рамках аналитической философии Ю. Миттсльштрасс.

температура круга, но обогащенное содержание не изменит опорного эпистемического «каркаса», пригодного для изучения истории идей в их взаимозависимости и развитии.

Нельзя не заметить, что расстояние между спекулятивным реализмом и позитивизмом довольно велико и не равно условной «квинте», оно «дальше». Мы предлагаем необходимое дополнение, двенадцатый сегмент квинтового круга. Это *экзистенциальный материализм*, развиваемый автором на основе иной классификации форм материализма, нежели историческая, — выделенный *логически*, наряду с натурфилософским материализмом. Этот материализм признает объективное существование материи — и учитывает субъективный аспект познания и общения, с этой целью используя семиотику. В нем принят взгляд, согласно которому начало сознания и познания — состояние “*Dabewußtsein*” (“*Da-bewußtsein*”, здесь-и-теперь-бытие-сознание).

Обратимся к идее А.Н. Портнова о том, что проблема взаимосвязи языка и сознания есть проблема *семиотическая*. С этим можно полностью согласиться. Для семиотики лингвистический поворот стал переходом к разработке прагматики, в которой (в отличие от высоко-теоретической семантики) язык рассматривается как особое поведение: вслед за Витгенштейном, это может быть игра, вслед за Ричардом Рорти — инструмент «регулярного употребления метки или шума» [Рорти: 243], а в рамках современной психолингвистики — «относительно упорядоченная совокупность разнообразных дискурсов» и т. д.

Для Рорти и ему подобных постмодернистов язык — это «люди, использующие шумы для исполнения желаний». Надо заметить, что современной психолингвистике также «открылось», что носителем значения является не знак, но ... человек. «Предполагается, что человек осваивает слова не как единицы абстрактной системы языка, к которым «прикреплены» определенные значения, а как одно из материальных, возможно, и самых удобных, но лишь средств реализации коммуникативных актов, возникших в ходе исторического развития различных форм и способов коммуникативной деятельности и используемых для актуализации значений, имеющихся у партнера по коммуникации, обеспечивая ... успешность совместной деятельности» [Нечаев]. Однако, как не может постпозитивист потрясти диалектического материалиста удивительным сообщением о существовании революций в развитии научного знания или о том, что мыслит не сознание, а человек так этого не может и современный номиналист. В «Материализме и эмпириокритицизме» есть замечательное место: мыслит не мозг, а человек при помощи мозга. А философия, допускающая мысль без мозга — безмозглая философия.

В каком смысле сознание выражается и не выражается в языке? В прямом и абсолютном.

Оставляя в стороне индийскую традицию, утверждающую возможность существования мысли вне слова, мистику византийского исихазма и тютчево «мысль изреченная есть ложь», обратимся к философской концепции А.Н. Портнова еще раз. В его трудах вскрывается диалектика соотношения вербализованных (или в принципе вербализуемых) и невербализованных (в принципе невербализуемых) слоев динамично функционирующего сознания и подчеркнуто, что, по крайней мере, в феноменологии основополагающей идеей является первичность прототипического, невербализованного опыта, континуального и недискретного.

Основные функции языка — коммуникативная, когнитивная и модальная. Поэтому языковые знаки могут рассматриваться в семиотике, вслед за Ф. де Соссюром, как элементы системы — или как самостоятельные сущности, согласно Ч.С. Пирсу. Следуя идеям А.Н. Портнова, “*das Selbst*”, личностная

самость, «коммуникативна по своей природе», это язык «для других» (функция общения), позволяющий идентифицировать себя, путем разъяснения [чего-то] другим людям осознать себя самого; а язык «для себя» не просто «органон», орудие мысли, а «интегральный компонент саморазвития духа» (когнитивная функция). «Мысль есть единство общения и обобщения» — приводил формулу Л.С. Выготского А.Н. Портнов. Философ также с большим уважением отзывался о прозрениях Гегеля относительно того, что язык — это «язык совести», то есть intersubjectively признанные и концептуализированные, направляющие поступок, нормы, ценности и идеалы (модальная функция).

Частью нашей теории познания является то, что именно семиотика позволяет, путем всестороннего исследования идеальной стороны знака — его значения, достоверно объяснить соотношение сознания и языка как *презентацию* и *репрезентацию*. Если в семиотическом треугольнике признать обозначаемый (объективно-реальный) предмет, с точки зрения материализма, *источником* образов сознания и в этом смысле *первичным*, а его представление (значение знака), соответственно, вторичным, то чувственно-воспринимаемый акустико-артикуляционный комплекс или графема, «материя языка», является *вторичным* по отношению к значению.

Представление, *Vorstellung* — центральный образ сознания; прочие образы располагаются либо «ниже», либо «выше» его, либо, в известном смысле, «рядом» с ним, если говорить об искусственных «языках». (В рамках данной статьи не анализируются сигналы животных, квази-языки типа сигнализации флажками и т. п.). Как об этом писал на своем изысканном языке Хайдеггер, «Представление, при исключении всех «психологических» и «теоретико-познавательных» предмнений, означает здесь допущение противостояния [*Entgegenstehenlassen*] в качестве предмета. Противостоящее, как так поставленное, должно измерить открытую навстречность [*offenes Entgegen*] и при этом все же остаться как вещь в себе и показать себя как нечто постоянное» [Хайдеггер: 95]. Эта диада познаваемого фрагмента действительности и познающего его сознания первична, и представление, *cor cordium* идеального, первично по отношению к подбираемому или заимствованному знаку в языковой ситуации, призванному репрезентировать, то есть ре-представить познаваемый объект. Так возникает триада объект — язык — субъект, она же субъект — язык — субъект. Это и есть семиотический треугольник: знак-значение-объект; бытие-понятие-имя.

«Самость» самосознания, или понятность его другим и себе, предполагает использование знаковых средств, считал А.Н. Портнов. Смысл коммуникативного акта возникает и проявляется в процессе совместной практической деятельности. Для того чтобы этот смысл стал понятен коммуниканту, необходимо найти способ его материализации. В некоторых случаях сам преобразованный объект становится носителем значения, и тогда язык не нужен; в других случаях используются звук, графема, мимика, кинесика и проч. Эти средства становятся знаками только после того, как они уже приобрели значение. Именно значения, образы сознания, презентаты, а не их материальные носители, репрезентаты, являются коммуникативными средствами. Вектор совпадения зависит от роли субъекта в акте семиозиса (вырабатывает он знаки, передает или усваивает); важен также трек, по которому направляется инфомация¹⁰.

¹⁰ Исключительно эффективным, надолго запоминающимся является следующий пример: «Когда Золушка идет в магазин купить себе пару новых туфель, размер своей ноги она считает данным и подбирает под него туфли. Однако когда принц ищет обладательницу хрустального башмачка, он исходит из его размеров и подбирает ногу под башмачок» (Дж. Серл).

Direction of fit, направление соответствия/совпадения значения — прямо на объект-референт, как бы его не называли в зависимости от типа семиотической ситуации: денотат, десигнат, сигнификат, интерпретант, etc. Знак же является материальной, т. е. чувственно-воспринимаемой ре-презентацией объекта-референта; направление соответствия/совпадения может быть изображено ломаной линией: сознание устремляется сначала к предъявляемому знаку и через его восприятие — на объект. Надо отметить еще многочисленные случаи «ухода» знака целиком в сознание: когда и объект является нематериальным (например, научная теория), и его значение идеально, и знак или сет знаков также помещается в памяти или изначально представляет собой «символический» образ (например, математические абстракции).

В действительности значение — идеальная презентация объекта — имеет сложную структуру, в которой представление или понятие являются центральным компонентом; плюс к нему различаются еще два, модальный и криптокомпонент. Это, однако, тема специального исследования. Мы здесь не рассматриваем большинство теорий значения, полагая его идеальной сущностью *sui generis*, презентатом из рода гносеологических образов, а не отношением, употреблением, использованием, игрой и прочим.

Заключение. Семиотика экзистенциального материализма основана на следующих постулатах.

Язык — не только «инструмент» употребления в действие ради предметной, практически-производительной активности, но и самостоятельный объект изучения; это внепространственная местность, или место, встречи со-бытия и сознания, область определения универсалий, выражающих мировую схематику и синтагматику.

Отношение обозначения не является естественным, «природным» для vehicle, «транспортного средства», — вещи, призванной послужить знаком. Оно, так сказать, темперировано: сужено или расширено по сравнению с «натуральным» отношением сознания и объективно-реального бытия. Оно формируется под влиянием социальных и культурных факторов. Образ сознания связан со своим объектом генетической связью — и вообще всеми возможными связями, — главной из которых, с точки зрения семиотики, надо признать представление, *презентацию*; язык же генетически не порождается бытием непосредственно. «Ничто в предметной действительности не заставляет ребенка заговорить» [Лисина, цит. по: Нечаев]. Отношение языка к референту оптимально выражается термином «ре-презентация», двойная презентация, обусловленная социальным механизмом коммуникации.

Акустико-артикуляционные качества составляют материальную сторону языка. Фрагмент действительности составляет объект, воспроизводимый в сознании в идеальной форме; это «двойное вхождение», эта интерференция материальности в сознание совершается в языковом знаке. И если сознание, чьим предикатом, а точнее *proprĩa*, является идеальность, так или иначе не воплощается в языке, не только коммуникация, но и познание невозможны.

Список литературы / References

- Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2012. 736 с. (Kant I. Critique of Pure Reason, Moscow, 2012, 736 p. — In Russ.)
 Кессиди Ф.Х. Гераклит. СПб.: Алетейя, 2004. 217 с. (Kessidi Ph.X. Heraklites, St. Petersburg, 2004, 217 p. — In Russ.)

- Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. М.: Политиздат, 1988. XVI, 574 с.
(Marx K., Engels F. *German Ideology*, Moscow, 1988, XVI, 574 p. — In Russ.)
- Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
(Meillassoux Q. *After the Finitude: an Essay on the Necessity of Contingency*, Ekaterinburg; Moscow, 2015, 196 p. — In Russ.)
- Нечаев Н.Н. О новом подходе к языку и речевой деятельности в условиях цифровизации // Психологическая газета. 25.11.2020.
(Nechayev N.N. On a new approach to language and speech activity in the context of digitalization, *Psychological Bulletin*, 25.11.2020. — In Russ.)
- Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. Иваново, 1994. 367 с.
(Portnov A.N. *Language and consciousness: the main paradigms of research of the problem in philosophy of the XIX—XX centuries*, Ivanovo, 1994, 367 p. — In Russ.)
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.
(Foucault M. *Words and things. Archeology of the humanities*, St. Petersburg, 1994, 406 p. — In Russ.)
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Перевернут в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1983. 483 с.
(Engels F. *Anti-Dühring: The Revolution in Science Wrought by Mr. Eugen Dühring*, Moscow, 1983, 483 p. — In Russ.)
- Хайдеггер М. О сущности истины // Философские науки. 1989. № 4. С. 96—104.
(Heidegger M. On the essence of truth, *Philosophical Studies*, 1989, no. 4, pp. 96—104. — In Russ.)
- Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкин. Пермь: HylePress, 2015. 152 с.
(Harman G. *The Quadruple Object: The Metaphysics of Things after Heidegger*, Perm', 2015, 152 p. — In Russ.)
- Mitias M. *Human Dialogue*, Berlin: Peter Lang GmbH. Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2023, 202 p.
- Rorty R. Is Derrida a Transcendental Philosopher?, *Derrida: a Critical Reader*, ed. by Wood D., Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 1996, 297 p.

CONSCIOUSNESS DOES EXIST AND DOES NOT EXIST, IT IS EXPRESSED AND IS NOT EXPRESSED IN LANGUAGE

Emilia A. Tajsina

Kazan State University of Power Engineering,
Kazan, Tatarstan, Russian Federation; emily_tajsin@inbox.ru

Abstract. The formulation of this problem is not new; it is a reflection on the relationship between the ideal and the material, — similarly, the variants of solutions existing in the history of philosophy are not absolutely new. In the onto-gnoseological key, as is known, firstly, the question of genesis is solved, and secondly, reversibly, the question about the ways of embodying the ideal in the material is discussed. At the core, there are only six philosophical trends of thought (excluding theology) explaining the said dyad: materialism, two types of idealism, dualism which considers matter and consciousness as parallels, hylozoism and the separately standing vulgar materialism, reducing them back into some kind of unity. However, in terms of content, these models are much more numerous. A sort of a “quarto-quint circle” in which the main approaches can be arranged would be incomplete without further development of the semiotic approach to being, cognition and culture as a whole. The author suggests taking into account the semiotics of existential materialism, which accepts that consciousness is presentation, and language is representation of being, the optimal meeting location for the ideal and the material, mediating nature and consciousness.

Keywords: consciousness, language, ontological aspect, epistemological aspect, semiotics

For citation: Tajsina E.A. Consciousness does exist and does not exist, it is expressed and is not expressed in language, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 142—154.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Тайсина Эмилия Анваровна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций, Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия, emily_tajsin@inbox.ru, SPIN-код: 6974-2745

Tajsina Emilia Anvarovna — Doctor of Science (Philosophy), Distinguished Professor, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation, emily_tajsin@inbox.ru